
Уютный детектив
Цитата,
или
Смерть в новогоднюю ночь
Серия «Красный карандаш»
книга 14

Милана Панова

Цитата или Смерть в новогоднюю ночь

https://litres.ru/74721224
SelfPub; 2026

Аннотация

Накануне Нового года Нина Платонова, её издательница и кот Эклер едут в заснеженную усадьбу «Берёзовая роща». Хозяйка Аглая придумала для гостей игру: ровно в полночь один из них «станет цитатой». Её рукопись полна классических цитат, и в каждой подменено одно слово. Нина и капитан Громов понимают, что это не шарады, а приглашение убийце выдать себя. Метель закрывает дороги, у десяти гостей у каждого свой секрет. Когда часы бьют двенадцать, хозяйка на глазах у всех пьёт «яд» из серебряного кубка и падает. Но на этот раз это не игра. Эта книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

Милана Панова
Цитата или Смерть в новогоднюю ночь

Цитата, или Смерть в новогоднюю ночь
Серия «Красный карандаш», книга 14

Глава 1. Дорога в «Берёзовую рощу»

Тридцатого декабря нас засыпало снегом ещё до Москвы.

Он валил с самого утра, плотный, тихий, настоящий, какой бывает только накануне Нового года, и к трём часам дня станционный перрон в Подмосковье превратился в белую пустыню. Поезд ушёл, оставив нас в облаке пара. Фонари горели жёлтыми шарами, на лавочке сидела ворона, и вид у неё был такой, будто она уже пять лет ждёт здесь электричку на юг.

— Нас должны встретить, — сказала Маргарита Викторовна, оглядываясь. Она была в длинной шубе, в пушистой шапке и с небольшим кожаным саквояжем. — Аглая обещала прислать машину.

— Ничего не вижу, — сказал Андрей, ставя чемоданы на снег.

— Ищи по фарам.

— Какие фары? Тут по пояс.

Эклер, которого я несла в переноске под курткой, высунул из-под молнии нос, понюхал морозный воздух и тут же спрятался обратно. Он считал, что зиму придумали злые люди.

— Вон! — воскликнула я.

Из белой мглы, покачиваясь на сугробах, как лодка на волнах, выплыл большой чёрный внедорожник с включёнными фарами. Он остановился в трёх шагах от нас, и из кабины выскочил молодой человек в клетчатом шарфе, в тёплой куртке и в шапке с огромным помпоном.

— Маргарита Викторовна? Нина Сергеевна? Капитан Громов? — Он говорил быстро, чуть задыхаясь, и улыбался так искренне, что невозможно было не улыбнуться в ответ. — Простите за опоздание! Дорогу замело, пришлось объезжать. Я Игорь Белов. Секретарь Аглаи Дмитриевны.

— Очень приятно.

— Давайте вещи! Садитесь скорее, там печка. До усадьбы двадцать минут, если не застрянем.

— А если застрянем? — спросил Андрей.

— Тогда будем ждать трактор.

— Обнадёживает.

Мы загрузились. В салоне пахло хвоей, мандаринами и чем-то уютным, домашним, как в детстве, когда ждёшь подарков. Маргарита Викторовна села впереди, мы с Андреем сзади. Эклер выбрался из куртки, обошёл сиденье, обнюхал подлокотник и, убедившись, что обстановка достойна его присутствия, устроился у меня на коленях.

Дорога шла через лес. Огромные ели, заваленные снегом, стояли по обе стороны, как стража, и в просветах между ветвями мелькало серое небо. Игорь вёл машину осторожно, переключая передачи так плавно, что я почти не чувствовала толчков.

— Аглая Дмитриевна сильно ждёт вас, — говорил он. — Последние две недели ни о чём другом не думает. Всё готовит, придумывает, репетирует.

— Репетирует?

— Ну, не знаю, как это назвать. — Он смущённо засмеялся. — У неё идея. Новогодняя игра. Она называет её «Цитата». Каждому гостю достанется роль.

— Какая игра? — спросила Маргарита Викторовна.

— Она сама расскажет. Я не имею права. Это сюрприз.

— Игорь, — тихо сказала я, — а вы давно у неё работаете?

— Три года. Я архивист по образованию. Разбирал её бумаги, потом остался секретарём. Она потрясающая. Знает всё и всех. Я за три года узнал больше, чем за пять лет университета.

— Она трудный человек?

— Очень. — Он улыбнулся. — Но справедливая.

Мы выехали из леса, и перед нами, в просвете метели, возник дом.

Это был настоящий дворянский особняк, окрашенный в бледно-жёлтый цвет, с белыми колоннами, высокой мансардой и круглым балконом над парадным входом. Вокруг него

раскинулся парк с аллеями, статуями, засыпанными снегом, и огромными берёзами, чёрными и стройными, как графитовые карандаши в стакане. Из труб валил дым, в окнах горел тёплый свет, а над входом висел венок из еловых веток и красных лент.

— «Берёзовая роща», — сказал Игорь. — Построена в тысяча восемьсот шестидесятом году. Принадлежала роду Шереметьевых до революции. Потом была дом отдыха, потом школа, потом заброшена. Аглая Дмитриевна выкупила двадцать лет назад и восстановила.

— Красота, — прошептала я.

— Это ещё не всё. Подождите, увидите внутри.

Машина остановилась у крыльца. Дверь распахнулась, и на ступеньки вышла маленькая, сухонькая, прямая, как свеча, старушка в бархатном платье цвета бордо, с серебряными волосами, уложенными в тугой узел, и с огромной брошью в виде совы. Она опиралась на трость с набалдашником из слоновой кости и смотрела на нас живыми, чёрными, как смородина, глазами.

— Маргарита! — воскликнула она неожиданно звонким голосом. — Наконец-то!

— Аглая!

Они обнялись. Стояли на ступеньках, под снегом, две пожилые женщины, одна маленькая и тонкая, другая крупная и статная, и в этом объятии было что-то такое, от чего у меня защипало в носу.

— Какая ты стала, — сказала Аглая, отстраняясь.

— Какая?

— Хозяйка.

— А ты?

— Я мемуаристка. Это хуже.

Они засмеялись. Потом Аглая повернулась ко мне, взяла за руки и долго, внимательно, как будто читая, посмотрела в лицо.

— Нина Платонова.

— Здравствуйте.

— Корректор. — Она улыбнулась. — Я читала про вас. Про все ваши истории. Вы удивительная.

— Это преувеличение.

— Нет. — Она покачала головой. — Люди, которые умеют замечать запятые, редко ошибаются в людях. Это редкое качество.

— Аглая Дмитриевна, я…

— Зовите меня Аглая. Мы сегодня все свои. — Она перевела взгляд на Андрея. — А вы капитан.

— Просто Андрей.

— Хорошо. — Она протянула ему сухую узкую руку. — А кот?

— Эклер.

— Эклер! — Она обрадовалась. — Какое замечательное имя. У меня тоже кот. Профессор. Старый, ленивый, противный. Вы, надеюсь, не подеретесь?

— Не уверена.

— Тем лучше. Скучно, когда все дружат.

Она взяла Маргариту Викторовну под руку и повела в дом, на ходу командуя:

— Игорь, вещи в голубую спальню. Андрей, вы в зелёной. Нина, вы в жёлтой. Эклер, вы там, где найдёте. Обед в шесть. Знакомство в семь. Игра в полночь.

— Какая игра? — снова спросила я.

— Узнаете, — сказала она и подмигнула.

Дом изнутри оказался ещё красивее, чем снаружи. Просторный холл с лестницей на второй этаж, с лепным потолком и огромной хрустальной люстрой, в которой, как в капле росы, дрожали отражения свечей. По стенам висели портреты в тяжёлых рамах: дамы в кринолинах, господа в мундирах, дети с собачками. В углу, у камина, стояла огромная ёлка, украшенная старинными стеклянными шарами, золотыми орехами и бумажными ангелами. Под ёлкой, на красном ковре, дремал толстый серый кот, величественный, как римский император.

— Профессор, — представила Аглая. — Не обращайте внимания. Он спит двадцать три часа в сутки.

Профессор приоткрыл один глаз, посмотрел на Эклера и демонстративно отвернулся.

— Знакомство состоялось, — сказал Андрей.

— Дипломатия, — кивнула я.

Эклер вышел из переноски, потянулся, прошёл к камину,

сел у огня и устремил взгляд на Профессора. Тот лениво шевельнул ухом. Два кота молча смотрели друг на друга, как два шахматиста перед первым ходом.

— Они договорятся, — сказала Аглая. — А нам пора. Пойдёмте, покажу дом.

Глава 2. Десять гостей

Ужин накрыли в большой столовой, при свечах. Длинный стол, как корабль, плыл по залу, уставленный хрусталём, серебром и фарфором. В камине потрескивали дрова, на стенах отражались блики огня, а за высокими окнами, в синей темноте, продолжал падать снег.

Нас было десять.

Я знакомилась с людьми и по привычке раскладывала их по ящичкам. Не из-за подозрительности, а потому, что корректор не может не искать в тексте систему.

Во главе стола, как королева, сидела Аглая Дмитриевна Шереметьева. Справа от неё Маргарита Викторовна, слева крупный, румяный, шумный мужчина лет тридцати восьми в дорогом свитере: Константин Шереметьев, племянник, адвокат.

— Константин Андреевич, — представила его Аглая. — Единственный наследник и моя главная головная боль.

— Тётушка, вы преувеличиваете, — улыбнулся он. — Я просто забочусь о вас.

— Он заботится о моём имуществе, — сухо уточнила Аг-

лая. — Это разное.

Константин засмеялся, но смех вышел неуверенным.

Рядом с ним, потягивая шампанское и глядя на всех томным кошачьим взглядом, сидела девушка лет двадцати девяти, в облегающем чёрном платье, с длинными тёмными волосами и ярко-красными губами. Диана, племянница по линии мужа, стилист и блогер, как она сама представилась, «специалист по трендам».

— Я обожаю такие места, — протянула она. — Это так винтажно. Можно сделать суперконтент.

— Контент, — повторила Аглая. — Какое мерзкое слово.

— Тётя Аглая, вы не понимаете…

— Прекрасно понимаю. Это то, что остаётся, когда исчезает содержание.

Диана надула губы. Я заметила, что она всё время вертит в пальцах мобильный, поглядывая на экран, словно ждёт важного звонка.

По другую сторону стола устроился грузный, лысоватый мужчина лет шестидесяти, в строгом тёмном костюме и очках с толстыми линзами. Павел Георгиевич Крапивин, нотариус. Он молча ел, молча пил, молча кивал и вообще производил впечатление человека, привыкшего слушать, но не говорить.

— Павел Георгиевич ведёт все дела нашей семьи, — пояснила Аглая. — Тридцать лет.

— Тридцать два, — поправил он глухо.

— Тридцать два. Простите.

Рядом с ним сидел высокий, статный, седой старик с гордой осанкой и выразительным, благородным лицом, на котором проступала былая красота. Леонид Витальевич Аверин, актёр.

— Народный артист в отставке, — сказал он с лёгкой самоиронией. — Бывший Гамлет, бывший Лир, бывший Чацкий. Нынче просто Леонид.

— Не просто, — возразила Аглая. — Один из лучших чтецов в стране. Я надеюсь, ты прочтёшь нам что-нибудь в полночь.

— Если вдохновение не покинет.

— Покинуть оно не посмеет.

Он поклонился, прижав ладонь к груди, и по-театральному изящно повёл рукой в сторону окна.

У камина, на низком стуле, подпирая стену, сидела маленькая, круглая, румяная женщина в белом переднике и вязаной кофте. Это была Матрёна Степановна, экономка. Она не садилась за общий стол, а ела на кухне, но сегодня Аглая велела «в виде исключения» усадить и её.

— У нас сегодня все равны, — сказала она. — Хоть раз в году.

— Не положено, Аглая Дмитриевна, — смущённо пробормотала Матрёна Степановна.

— Положено. Я приказала.

— Ну… если приказали.

Экономка осталась стоять у камина, но с таким видом, будто ей разрешили сидеть на троне.

Игорь Белов, в тёплом свитере, раскладывал по тарелкам салат. Рядом с ним стоял пустой стул для Андрея, а напротив сидела Маргарита Викторовна, которая негромко разговаривала с Авериным о каком-то спектакле шестидесятых годов.

Итого: Аглая, Константин, Диана, Крапивин, Аверин, Матрёна, Игорь, Маргарита, Андрей и я. Десять. «Ровно в полночь один из нас станет цитатой», — пронеслось у меня в голове.

— Друзья мои, — сказала Аглая, постучав вилкой по бокалу. — Я хочу сказать несколько слов.

Все замолчали.

— Мне семьдесят два года. Я прожила хорошую, длинную, местами нелепую жизнь. Я была редактором, преподавателем, женой, вдовой, мемуаристом. Я многое видела, многое знаю. И в последнее время я стала думать: а что останется после меня? Дом? Деньги? Книги? Всё это уйдёт. Останутся только слова. Цитаты.

В столовой стало очень тихо. Пламя свечей качнулось.

— Поэтому я придумала игру, — продолжала Аглая. — Сегодня в полночь, под бой часов, один из вас станет цитатой. Не бойтесь. Это всего лишь театр. Каждому из вас я приготовила роль и конверт. В конверте реплика из классики. Ваша задача — в нужный момент произнести её и угадать, какая реплика досталась остальным.

— Тётя, это шарады? — недоверчиво спросила Диана.

— Это больше, чем шарады. Это правда.

— Какая правда?

— Моя. — Она посмотрела на каждого по очереди. — Я пишу мемуары. Последнюю главу я закончила вчера. В ней я расскажу о том, что знаю про каждого из вас. Не обо всём, конечно. О главном. О том, чего вы боитесь.

Константин поперхнулся шампанским.

— Тётушка, я не понимаю.

— Поймёшь. — Аглая улыбнулась тонкой улыбкой. — В полночь я прочту последнюю главу вслух. Вы услышите всё. А потом, как положено в хорошей пьесе, главная героиня умрёт.

— То есть? — спросил Андрей.

— Я упаду. На глазах у всех. Как положено на сцене. Только понарошку. А вы будете решать, кто убийца.

— Это игра в детектив? — уточнила Маргарита Викторовна.

— Да.

— И Нина с Андреем в ней…

— Сыщики.

— Аглая, — осторожно сказала я. — Вы уверены, что это хорошая идея?

— Нет. — Она рассмеялась. — Но разве хорошие идеи бывают интересными?

Мы выпили. Аверин, в ответ на просьбу хозяйки, прочёл

«Я помню чудное мгновенье» таким глубоким, бархатным голосом, что у Матрёны Степановны на глазах выступили слёзы, а Профессор, дремавший на ковре, приоткрыл один глаз и издал одобрительный звук. Диана снимала видео. Константин нервно крутил в пальцах ножку бокала. Крапивин молчал.

А я смотрела на Аглаю и чувствовала, что за этой лёгкой, шутливой интонацией скрывается нечто большее. В её чёрных, блестящих глазах, когда она говорила «я прочту последнюю главу», мелькнуло выражение, которое мне хорошо знакомо: так смотрят люди, решившиеся на последний, самый рискованный шаг.

— Нина, — шепнул Андрей, наклоняясь ко мне. — Что?

— Она не играет.

— В каком смысле?

— То, что она называет игрой, для неё серьёзно. И очень опасно.

— Для неё?

— Для всех. Пока не знаю.

Он помолчал.

— Мы в замкнутом пространстве. Снег, дороги нет. Десять человек. Все с секретами.

— Вот именно.

— Это классическая схема.

— Я это поняла в поезде.

— Тогда зачем мы приехали?

— Потому что Маргарита Викторовна не умеет отказывать подругам. А я не умею отпускать её одну.

Он улыбнулся.

— Понимаю.

После ужина Аглая позвала меня в библиотеку.

— Нина, нужна ваша помощь.

— Какая?

— Я хочу, чтобы вы прочли мою рукопись. Сегодня ночью. Последнюю главу. И проверили цитаты.

— Цитаты?

— В ней, как вы догадались, много цитат. Из Пушкина, Лермонтова, Чехова, Толстого. Я использовала их как шифр.

— Какой шифр?

— Каждая цитата, которую я привела, неточна. Совсем чуть-чуть. Одно слово заменено. Или перепутан порядок. Или добавлено лишнее. И вы, как корректор, должны найти эти ошибки.

— Зачем?

— Потому что каждая ошибка — это ключ. — Она достала из ящика стола толстую стопку листов, перевязанную красной лентой. — Читайте. А завтра утром приходите и расскажете, что поняли.

— Аглая, — осторожно сказала я. — Почему вы это делаете?

— Хочу проверить, кто из вас способен читать между строк.

— А если я пойму что-то лишнее?

— Тем лучше.

— Это может быть опасно.

— Нина, — тихо сказала она. — Я прожила семьдесят два года. Я не боюсь опасности. Я боюсь, что после меня останется непрочитанная глава.

Она вложила в мои руки рукопись. Бумага была плотная, шершавая, пахла чернилами и лавандой. На первой странице, красным карандашом, чётким, острым почерком было написано: «Корректору. Со знаком вопроса».

Глава 3. Двенадцать ошибок

Я читала всю ночь.

В жёлтой спальне, под высоким потолком с лепными розами, при свете настольной лампы, я сидела на широкой кровати с балдахином и листала рукопись Аглаи Шереметьевой. Снег по-прежнему валил за окном, ветер выл в печных трубах, где-то в глубине дома тикали старинные часы. Эклер, свернувшийся клубком у меня в ногах, мерно сопел.

Рукопись называлась «Листки из жизни». Это были мемуары, написанные от руки, потом перепечатанные на машинке, с пометками красным карандашом на полях. Двенадцать глав: детство, юность, замужество, работа в издательстве, смерть мужа, одиночество. Читать было увлекательно. У Аглаи оказался острый, ироничный, ясный язык, без пафоса и слезливости.

Но настоящая работа началась на последней главе.

Она называлась «Цитата». В ней, на сорока страницах, Аглая рассказывала про каждого из десяти гостей. Не называя имён, но так, что узнать было легко. Кому-то она посвятила абзац, кому-то страницу. И в каждом абзаце, как жемчужина в раковине, лежала цитата из классики.

«Он был вечно озабочен тем, чтобы казаться лучше, чем есть, как говорил Гоголь: „Смейся сильнее, смейся над собою!“» — говорилось в одном месте.

Я выписала цитату. Проверила по памяти. «Над кем смеётесь? Над собой смеётесь!» — вот правильный вариант из «Ревизора». Аглая подменила слова.

«Она всегда носила маску, как писал Чехов: „В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли“» — следовало дальше. Здесь исправлять было нечего: цитата была точной, но «лицо» стояло на втором месте, а у Чехова «лицо» идёт первым. Я это помнила.

Так, страница за страницей, я нашла двенадцать неточностей. Двенадцать подмен. Каждую я выписала в блокнот.

К четырём часам утра передо мной лежал список:

1. Гоголь: «Смейся сильнее, смейся над собою» вместо «над собой смеётесь».

2. Чехов: «лицо» и «одежда» поменяны местами.

3. Пушкин: «Мой дядя самых честных правил, когда в шутку занемог» вместо «не в шутку».

4. Лермонтов: «И скучно и грустно, и некому руку подать»

с лишним «и».

5. Толстой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга» вместо «Все счастливые семьи счастливы одинаково».

6. Достоевский: «Красота спасёт мир» вместо «Мир спасёт красота».

7. Пушкин: «Блажен, кто верует, легко ему на свете» вместо «тепло».

8. Некрасов: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» с пропуском «ты».

9. Маяковский: «Послушайте! Ведь если звёзды зажигают…» с лишним «ведь».

10. Блок: «Ночь, улица, фонарь, аптека» с перестановкой.

11. Ахматова: «Я научила женщин говорить» с заменой «научила» на «научилась».

12. Булгаков: «Рукописи не горят» с добавлением «никогда».

Я долго смотрела на этот список. Двенадцать цитат. Двенадцать неточностей. И десять гостей. Значит, две «лишние».

— Эклер, — сказала я вслух. — Что-то здесь не так.

Кот приоткрыл один глаз, зевнул и потянулся.

Я положила блокнот рядом с рукописью и начала вчитываться в контекст каждой цитаты. Кому она относится? Что хочет сказать Аглая?

Первая цитата, из «Ревизора», стояла в абзаце о человеке, «который всю жизнь делает вид, будто занимается благород-

ным делом, а на самом деле только считает чужие деньги». Игорь? Нет. Константин. Племянник-адвокат, управлявший имуществом тётки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.